

Полунов А.Ю.

Национальное и религиозное в системе имперского управления: к вопросу о деятельности и политических взглядах К.П. Победоносцева¹

Вопрос о роли православия в стране и на международной арене, игравший во второй половине XIX–начале XX в. значительную роль в общественно-политической жизни России, был неразрывно связан с проблемой соотношения национального и религиозного начал в рамках церковного учения, степени «привязки» православия к тому или иному этническому организму и истинном значении наднационального, вселенского характера этого исповедания. В течение всего пореформенного периода в общественных дискуссиях и политике властей сталкивались и сложно взаимодействовали различные точки зрения по этому вопросу. Неспособность российских «верхов» прийти к определенному выводу в данной сфере способствовала в конечном счете дезорганизации имперской системы управления и подрыву основ «старого порядка» в России. Случалось и так, что различные, подчас противоположные взгляды на соотношение национального и религиозного сосуществовали в рамках индивидуального сознания. Ярким примером подобного противоречивого симбиоза, как представляется, были воззрения Константина Петровича Победоносцева (1827–1881) – крупнейшего консервативного политика пореформенной эпохи, обер-прокурора Святейшего Синода в 1880–1905 гг., наставника и советника двух последних царей. Анализ взглядов и деятельности Победоносцева помогает прояснить многие важные аспекты политической жизни позднеимперской России, выявить особенности восприятия «верхами» ключевых проблем развития этноконфессиональных отношений в империи и за ее пределами.

В историю Российской империи последних предреволюционных десятилетий обер-прокурор вошел как сторонник предельно жесткого курса в национально-религиозной сфере, отвергавший – несмотря на явные признаки надвигающихся потрясений – малейшие попытки либерализации правительственной политики вплоть до начала революции 1905–1907 гг. На протяжении многих лет Победоносцев отказывался признавать право российских подданных самостоятельно выбирать религиозную принадлежность, дать им возможность покинуть господствующую церковь в том случае, если они были приписаны к ней принудительно (таких людей к началу XX в. было немало в национальных районах империи). В результате, когда

---

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 12-01-00183.

после начала революции такое право все же пришлось даровать (указ «Об укреплении начал веротерпимости» 17 апреля 1905 г.), это привело к весьма тяжелым для господствующего исповедания последствиям. За короткий срок из состава православной церкви вышло свыше 200 тыс. чел., причем в католичество перечислилось 170 936 чел. (в основном, в Западном крае), в мусульманство – 36 299 чел., в протестантизм – 10 964 чел.². Обер-прокурор также упорно отказывался смягчать политику и по отношению к религиозным диссидентам (старообрядцам и сектантам), хотя в пользу такого решения в начале XX в. высказывались и широкие круги общества, и даже часть правительственных «верхов»³.

Говоря о жесткой вероисповедной политике, которой придерживалось самодержавие в первые годы XX в., необходимо отметить, что поворот правительства к данному курсу в начале 1880-х гг. был совершен при решающем участии Победоносцева, сумевшего переломить тенденции к секуляризации и расширению свободы совести, наметившиеся к этому времени в деятельности властей. Придя на пост обер-прокурора в 1880 г., консервативный сановник постарался максимально выхолостить подготовленный к этому времени закон, призванный даровать старообрядцам и сектантам основные гражданские права (сам закон был принят 3 мая 1883 г.). Усилиями обер-прокурора был сорван выдвинутый варшавским генерал-губернатором П.П. Альбединским проект расширения веротерпимости в Царстве Польском, предполагавший, например, разрешение части бывших униатов по желанию перечисляться в католичество. В 1894 г. Победоносцев настоял на принятии положения Комитета министров, объявлявшего так называемых «штундистов» (русских баптистов) «особо вредной сектой», что создавало основу для ужесточения репрессий по отношению к этой ветви инаковерия. Обер-прокурор поддерживал начавшуюся в середине 1880-х гг. кампанию по распространению православия в Прибалтике,

---

² Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 гг. СПб., 1910. С. 29.

³ Проблемы свободы совести активно обсуждались обществом, в частности, в связи с объявлением Синода об отпадении Льва Толстого от православной церкви (1901). Одной из «площадок» для подобного обсуждения стали знаменитые Религиозно-философские собрания (1901–1903), сыгравшие значительную роль в истории философии и культуры рубежа веков. Власти, со своей стороны, осторожно пытались нащупать почву для компромисса с религиозным инакомыслием, прежде всего со старообрядчеством. Так, в декабре 1900 г. в ответ на ходатайство старообрядцев министр внутренних дел Д.С. Сипягин указал полиции пресекать лишь «внешние оказательства» культа старообрядцев, не вмешиваясь во внутренние дела их общин. Преемник Сипягина В.К. Плеве неофициально разрешил старообрядцам проводить межрегиональные съезды. Изданный 26 февраля 1903 г. манифест «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» содержал в числе прочих пунктов и обещание расширить свободу совести. См.: *Фирсов С.Л.* Русская церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918). М., 2002. С. 261–279.

сопровождаяшюся ограничением прав лютеранской церкви⁴. Наконец, на востоке империи глава духовного ведомства выступал за ограничение прав ислама и ламаизма, требуя даже отменить официальное узаконение этих исповеданий⁵.

Проводя жесткую политику по отношению к ино- и инаковерию, Победоносцев нередко вынужден был признавать, что она далеко не всегда опиралась на прочную социально-идеологическую основу. Проведению подобной политики во многих случаях препятствовал недостаточно высокий социальный статус и образовательный уровень православного духовенства, придирчивый контроль, которому деятельность православной церкви подвергалась со стороны светской бюрократии. Сложно складывались и отношения Победоносцева с органами светской администрации, которые зачастую весьма неохотно подключались к реализации его вероисповедной политики. В распоряжении светских властей не было средств, чтобы отделять «чистых» от «нечистых» в религиозной сфере, да и отвечали они за спокойствие и благосостояние вверенного им края, а не за его вероисповедную чистоту. «Беда наша – крайнее равнодушие М(инистерст)ва вн(утренних) дел, – сокрушался обер-прокурор в письме к своему другу и единомышленнику С.А. Рачинскому вскоре после начала кампании по распространению православия в Прибалтике (1884). – В М(инистерст)ве вн(утренних) дел готовы были бы и теперь продать это дело немцам – за канцелярское спокойствие»⁶.

Попытка Победоносцева закрывать глаза на вполне определившиеся к концу XIX в. реалии заставляла многих современников говорить о его политике как о глубоко архаичном явлении, заведомо обреченным на провал, восходящем к средневековому принципу примата религиозного над национальным. Подобное определение представляется не совсем точным. Мировоззрение российского консерватора носило более сложный характер. Придавая очень большое значение роли религиозных начал в

---

⁴ Полунов А.Ю. Православие в Остзейском крае и политика правительства Александра III // Россия и реформы. Вып. 2. М., 1993. С. 66–76; он же. Государство и религиозное инакомыслие в России (1880 – начало 1890-х гг.) // Россия и реформы. Вып.3. М., 1995. С. 126–141; он же. Духовное ведомство и униатский вопрос (1880-е – начало 90-х гг.) // П.А. Зайончковский. 1904–1983. Статьи, публикации и воспоминания. М., 1998. С. 256–265.

⁵ В полной мере осуществить предлагавшиеся изменения не удалось, но определенные ограничения на иноверие все же были наложены. Так, с 1886 г. было затруднено открытие новых мечетей. С 1890 г. оренбургского муфтия стал назначать император, членов мусульманского духовного собрания – министр внутренних дел. Муллам предписывалось обязательное знание русского языка. Максимальное число гласных-нехристиан в городских думах сокращалось по городскому положению 1891 г. с 1/3 до 1/5. В Забайкалье часть лам была выведена из подчинения главному ламе (Бандидо-Хамбо-Ламе). См.: Полунов А.Ю. Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III. М., 1996. С. 109–116.

⁶ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 631. С.А. Рачинский. Письма к С.А. Рачинскому. 1884. Январь–май. Л. 181об (письмо от 28 апреля 1884 г.).

жизни государства и общества, Победоносцев пытался совместить данную установку с высокой оценкой национальных принципов. Для того чтобы понять, каким образом сложилась подобная мировоззренческая система, нужно кратко осветить историю формирования взглядов обер-прокурора.

Говоря об элементах архаизма в воззрениях главы духовного ведомства, необходимо отметить, что их наличие было тесно связано со всем строем личности Победоносцева, отражало влияние той среды, в которой происходило становление его характера. Разночинец по происхождению, внук приходского священника и сын профессора словесности Московского университета, будущий обер-прокурор был плотью от плоти патриархального уклада дореформенной Москвы, унаследовал от семьи традиции благочестия, до конца жизни оставался глубоко церковным человеком. Неприязнь к процессам модернизации, крайне болезненная реакция на их негативные последствия во многом объяснялась как протест против секуляризационных тенденций, не просто, как полагал Победоносцев, опасных для политической стабильности, но и затрагивавших сферу его внутренних убеждений, эмоций и настроений, грозивших разрушить привычный для него мир.

Неотъемлемыми качествами патриархального уклада, окружавшего будущего обер-прокурора в начале жизненного пути, были иерархичность, статичность, определенность, порождавшие ощущение стабильности, предсказуемости, защищенности. Традиционная церковность воспринималась как важнейшая основа этих начал и как одна из тех сфер, где эти начала наиболее ярко проявлялись. «Православному человеку отрадно, – писал российский консерватор в сочинении полумемуарного характера «Праздники Господни», – исчезать со своим «я» в этой массе молящегося народа... Волна народной веры и молитвы поднимает высоко и молитву, и веру у каждого, кто, не мудрствуя лукаво, принесет с собою в церковь простоту верующего чувства»⁷. Чувство принадлежности к исторически сложившейся общности, к массе «простых людей» воспринималась как важнейший залог социальной стабильности и противопоставлялась излишнему развитию индивидуализма, чреватому дезинтеграционными тенденциями, вспышками эгоизма и самомнения.

Настороженное отношение Победоносцева к принципу индивидуализма объяснялось его весьма критической оценкой человеческой природы – слабой, несамостоятельной, склонной ко злу, сдержать проявления которого может только чувство смирения, подчиненности высшим началам. «Что выше меня неизмеримо, –

---

⁷ Победоносцев К.П. Праздники Господни // Победоносцев К.П. Сочинения. СПб., 1999. С. 219.

подчеркивал российский консерватор, – что от века было и есть, что неизменно и бесконечно, чего не могу я объять, но что меня объемлет и держит – вот во что я хочу верить как в безусловную истину, а не в дело рук своих»⁸. Именно такое умонастроение, утверждал консерватор, и позволило русскому народу выстоять в тяжелых бедствиях своей истории, собрать воедино разрозненные земли, свергнуть иноземное иго. «Не нашей силой все это свершилось, – подчеркивал обер-прокурор, – а силой Божией». «Она (церковь – А.П.) одна помогла нам остаться русскими людьми, собрать свои рассеянные силы, одушевила и вождей и народ, дала ему терпение пережить страшные невзгоды»⁹.

Вне строгой церковной дисциплины, полагал Победоносцев, невозможно гармоничное сосуществование власти и общества, и все, кто нарушает это правило – насколько «национальным» и «исторически самобытным» не казался бы их облик сторонним наблюдателям – не могут войти в состав русского народа, стать по-настоящему прочной опорой власти. Подобный подход, в частности, побуждал обер-прокурора жестко выступать против старообрядцев, хотя многие общественные деятели, включая близких Победоносцеву славянофилов, склонялись к необходимости компромисса с этой ветвью инаковерия. В случае полной легализации старообрядчества, утверждал Победоносцев, среди народа явится «в том же облачении и с той же обстановкой их самозванец архиерей». «Народ не отличит тогда законного от незаконного – и будет великая смута». Самоуправление старообрядцев, нарушавшее в глазах обер-прокурора принципы канонической иерархии, – это господство «стада мужиков-горланов», «каждый из которых хочет быть господином над церковью, держать архиереев и попов по своей воле, брать и выгонять куда угодно». «Вот куда ведет эта свобода, – восклицал глава духовного ведомства, – в хаос, из которого так долго и с таким трудом выводила нас история!»¹⁰

Выступая против всякого стремления выйти за рамки строгой церковной дисциплины, обер-прокурор не менее отрицательно относился к попыткам создать чисто секулярную этику или выработать государственную идеологию, не связанную с религиозными началами. Подобные меры казались Победоносцеву абсолютно

---

⁸ Победоносцев К.П. Московский сборник // Там же. С. 353.

⁹ Речи и здравницы К.П. Победоносцева, произнесенные им на обеде, данном городом Киевом в день празднования 900-летней годовщины крещения Руси // Там же. С. 137.

¹⁰ К.П. Победоносцев в 1881 г. (письма к Е.Ф. Тютчевой) // Река времен. Книга 1. М., 1995. С. 186 (письмо Е.Ф. Тютчевой от 20 декабря 1881 г.).

бессмысленными, обреченными на провал¹¹. «Все эти речи... – писал российский консерватор об исканиях секулярных мыслителей Нового времени, – только рассыпаются звуком в пространстве, ничего не разясняя, никого не убеждая»¹². Столь сильный акцент на роли религии в жизни государства и общества, казалось бы, выводил воззрения обер-прокурора за рамки светской идеологии и превращал его в политика, стоявшего особняком среди государственных и общественных деятелей XIX в. «Торквемада», «русский папа», «великий инквизитор» – все эти прозвища, которыми награждали Победоносцева его враги, были не просто бранными кличками, но отражали широко распространенное в обществе убеждение о «средневековом», чуждом современности характере воззрений главы духовного ведомства. Однако, как отмечалось выше, система воззрений знаменитого сановника носила в действительности более сложный характер.

Высоко ценя социальную и политическую роль религии, Победоносцев в то же время полагал, что она обретает реальную силу, способность действительно влиять на судьбы людей только тогда, когда сливается со всем общественным укладом, проникает во все «поры» социального организма, становится основой государственного порядка, быта и нравов, семейных начал, одухотворяет культуру. Религия «в чистом виде» (учение, догматика) казалась российскому консерватору некой висящей в воздухе абстракцией, высокой материей, доступной пониманию немногих возвышенных натур. Принимая же «массовую» форму, сливаясь с общественным организмом, религия глубоко пропитывается народным духом и фактически становится неотъемлемой частью той или иной национальности¹³. В связи с этим, полагал Победоносцев, народы, исповедующие одну религию, но прошедшие разный исторический путь, с разными нравами и обычаями, могут быть по духу весьма далеки друг от друга.

Нигде не утверждая этого прямо, российский консерватор, как представляется, все же в глубине души полагал, что наилучшим национальным «сосудом» для православия является именно русский народ. С симпатией обер-прокурор относился

---

¹¹ Данный аспект воззрений Победоносцева подробно проанализирован в работах американского историка Дж. Бэзила. См.: *Basil J. Konstantin Petrovich Pobedonostsev: an Argument for a Russian State Church // Church History. Vol. 64. No. 1. March 1995. Idem. K.P. Pobedonostsev and the Harmonious Society // Canadian-American Slavic Studies. Vol. 37. No.4. Winter 2003.*

¹² *Победоносцев К.П.* Конечная цель жизни. // *Победоносцев К.П.* Сочинения. С. 91.

¹³ Самое существенное в церковном веровании, настаивал обер-прокурор, «связано и сплетено множеством таких тонких корней с психической природой каждого племени и с общими, сложившимися в нем началами нравственного мирозерцания, что невозможно отделить одно от другого». (*Победоносцев К.П.* Московский сборник. // *Победоносцев К.П.* Сочинения. С. 125).

также к тем (преимущественно зарубежным) этническим группам, которые, подвергаясь дискриминации, воспринимали Россию как покровителя и выражали стремление если не слиться с русским народом, то развиваться в фарватере его культуры, признать верховенство российской государственности. Повествуя о состоявшемся в 1888 г. в Киеве торжестве в честь 900-летия крещения Руси, Победоносцев в письме царю с умилением описывал, как гости праздника – галичане и словаки «пожирали глазами» надпись на памятнике Богдану Хмельницкому – «волим под царя восточного православного», и «даже сербы, проходя мимо, говорили: «Вот наша программа, зачем нам искать другую»»¹⁴. Однако наряду с «положительной» стороной, обосновывавшей тяготение одних народов к другим, у воззрений российского консерватора относительно соотношения национального и религиозного была и «негативная» сторона, обусловившая, как уже отмечалось, его репрессивную политику в вероисповедной сфере.

Если переплетение народного духа с православием у русского и других славянских народов воспринималась обер-прокурором в положительном свете, то связь иных этнических групп с неправославными конфессиями представляла как потенциальная опасность, а если эти группы проживали внутри Российской империи – расценивалась как прямая угроза ее целостности. Воспринимая русских и тяготевших к ним славян как «национальное тело» православия, российский консерватор был глубоко убежден, что для лютеранства (и вообще протестантизма) таким «телом» в Российской империи являются немцы, для католицизма – поляки, для мусульманства – татары. В Прибалтике Победоносцев выступал против «лютеранской пропаганды», ставшей «страшным орудием... онемечения во всех слоях общества». На западе Российской империи, с его точки зрения, «противу России и русского дела» был предпринят систематический поход, которым руководила «католическая церковная сила в тесном союзе с австрийским правительством и польской национальной партией». Наконец, в Поволжье и Приуралье деятельность мусульманского духовенства грозила «поглотить все население края в мусульманской культуре и татарской народности»¹⁵.

Поскольку рядовые обыватели воспринимали религию с «внешней» (бытовой и обрядовой) стороны, утверждал Победоносцев, уравнение вероисповеданий приведет

---

¹⁴ Письма Победоносцева к Александру III. Т. II. М., 1926. С. 179 (письмо от 16 июля 1888 гг.).

¹⁵ Письма Победоносцева к Александру III. Т. II. С. 165 (письмо от 21 декабря 1887 г.). Т. I. М., 1925. С. 355 (письмо от 11 ноября 1881 г.); *Победоносцев К.П.* Н.И. Ильминский. // *Победоносцев К.П.* Сочинения. С. 155.

не к свободе совести как таковой (т.е. к свободному выбору того или иного религиозного учения), а к обострению борьбы между отдельными национальными группами. «Вера, – писал обер-прокурор, – в духовном значении соединяется с догматами, но массу объединяет обряд, дальше коего она не сознает и не видит... и одних с другими объединяет стадное чувство и внешний вид знамени, под которое все становятся»¹⁶. В России ситуация усугублялась особыми качествами русского народа – его «простотой», наивностью, неискушенностью в догматике, которые делали для него особо затруднительными все попытки провести грань между национальным и религиозным. «У нас, – писал обер-прокурор известной публицистке славянофильского толка О.А. Новиковой, – сделавшись протестантом или сектантом немецкой лютеранской окраски», простолюдин «непрерывно перестает быть русским и становится немцем – отрицателем России и всего русского!»¹⁷ Подобные установки, отражавшие представления Победоносцева о неразрывной связи религиозного и национального, определяли его жесткую политику по отношению к неправославным исповеданиям и нерусским народам на территории Российской империи. Однако существовала и еще одна этнорелигиозная группа, отношение к которым должно было стать непростой проблемой для главы духовного ведомства. К данной группе относились народы, которые исповедовали православие, но не были близки к русским этнически.

Выше отмечалось, что принцип сугубо религиозной солидарности с другими народами, основанный преимущественно на догматической близости, был в целом чужд Победоносцеву. В представлениях обер-прокурора религия, как отмечалось выше, обретала силу, лишь слившись с определенной народностью, и если эта народность по культуре была далека от России, она не представляла для него особого интереса. Если же в культурном наследии этой народности была заложена память о собственной сильной государственности, былом доминировании над другими народами или даже об имперском прошлом, они вызывали явную неприязнь Победоносцева, несмотря на религиозную близость. Так, российский консерватор негативно относился к национальному движению, разворачивавшемуся в XIX в. в Грузии, выступал против всех попыток грузинских элит добиться расширения церковной, культурной и языковой

---

¹⁶ К.П. Победоносцев в 1881 г. (письма к Е.Ф. Тютчевой) // Река времен. Книга 1. М., 1995. С. 186 (письмо Е.Ф. Тютчевой от 20 декабря 1881 г.).

¹⁷ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф. 126. Киреевы-Новиковы. К. 8479. Д. 10. Л. 17об (письмо Победоносцева О.А. Новиковой от 2 декабря 1889 г.).

автономии¹⁸. Такой позиции обер-прокурор придерживался, даже несмотря на то, что ряд видных сановников и консервативных общественных деятелей (в частности, Т.И. Филиппов) считал в это время возможным пойти навстречу пожеланиям закавказских единоверцев¹⁹. Грузины, писал Победоносцев Александру III в период очередного обострения отношений на Кавказе (1886), «стали безумствовать по мере того, как мы с ними благодушествовали, баловали их и приучили к щедрым милостям за счет казны»²⁰.

Сходным образом обер-прокурор относился ко многим неславянам-единоверцам за пределами Российской империи – прежде всего, к грекам. Формирование новогреческого национализма в XIX в. нередко делало иерархию восточных патриархатов орудием национальных устремлений, зачастую сталкивавшихся с интересами России на Балканах и Ближнем Востоке. Память же греков о былом доминировании над «младшей по чести» русской церковью придавала этим столкновениям особо острый характер. Переписка обер-прокурора была наполнена ядовитыми выпадами против греческой иерархии, составленными без всякого почтения к памяти о ее каноническом верховенстве. Греки, писал Победоносцев, направляют в российский Синод официальные письма «в крайне неприличном тоне», наполненные «ругательствами позорного свойства»; на каждом шагу приходится сталкиваться с фактами «возмутительной греческой интриги»; во взаимоотношениях с греками нужна «мудрость змеиная», ибо они ненавидят «все, что идет мимо их кармана»²¹. «Прискорбно, что сами греки как будто заслоняют церковные интересы интересами, и притом мнимыми, эллинской национальности», – замечал обер-прокурор в письме к одному из российских архиереев, архиепископу Кишиневскому Сергию (Ляпидевскому).²²

Вопрос об отношении к греческой иерархии стал еще одним поводом для столкновения Победоносцева с Т.И. Филипповым, позицию которого в данном вопросе

---

¹⁸ О политике российского правительства по отношению к грузинской церкви см.: Верт, П. Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М., 2012 (Гл. 3. «Грузинская автокефалия и этническое дробление православного сообщества»).

¹⁹ Официально занимая пост государственного контролера, Филиппов был известен главным образом как знаток церковных вопросов, долго (хотя и безуспешно) претендовал на пост обер-прокурора и выступал в роли своеобразного неформального «противовеса» Победоносцеву в правительстве.

²⁰ Письма Победоносцев к Александру III. Т. II. С. 112 (письмо от 20 июня 1886 г.).

²¹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1604. И.Д. Делянов. Оп. 1. Д. 515. Л. 177об (письмо от 3 октября 1895 г.); ОР РГБ. Ф. 126. Новиковы-Киреевы. К. 8479. Д. 18. Л. 14–14об. (письмо О.А. Новиковой, 1899); Письма Победоносцева к Александру III. Т. I. С. 190–191 (письмо от 4 августа 1888 г.).

²² РГИА. Ф. 796. Канцелярия Святейшего Синода. Оп. 205. Д. 629. Л. 16 (письмо от 26 мая 1884 г.).

разделяли известные консервативные публицисты К.Н. Леонтьев и В.П. Мещерский. Принцип солидарности с греками на основе чисто религиозных, наднациональных принципов, отстаивавшийся Филипповым и его единомышленниками, не вызывал ни малейшей симпатии у главы духовного ведомства. Он вел полемику с Филипповым в весьма жестком тоне и, если мог, пресекал деятельность своих оппонентов административным путем. Филиппов, писал Победоносцев Александру III в 1888 г. – это «ядовитый ревнитель какой-то греческой автономии, готовый на обвинения русской церкви перед греками»²³. Стремясь ограничить влияние греческой иерархии, обер-прокурор поддерживал деятельность основанного в 1882 г. Православного Палестинского общества, активного работавшего с арабской паствой Иерусалимского и Антиохийского патриархатов и стремившегося вырвать его из-под влияния греческого духовенства²⁴.

В глазах Победоносцева православные арабы, как и славяне, представляли собой пример угнетенной, подвергавшейся дискриминации этнической группы, которая искала могучего покровителя и в силу этого тяготела к России, была готова если не слиться с русской культурой, то развиваться в ее фарватере. В связи с этим глава духовного ведомства весьма одобрительно относился к деятельности Палестинского общества по духовному и культурному развитию арабского населения, пробуждению его самосознания, придавленного гнетом греческой «этнархии». Однако до конца последовательным в поощрении национальных начал, отодвигавших на второй план принципы канонической дисциплины и религиозной солидарности, Победоносцев быть не мог.

При всей высокой оценке, которую обер-прокурор давал национальному началу как «телу», конкретному социальному воплощению той или иной религии, он прекрасно понимал, что подобный подход мог легко перерасти в одобрение современного национализма. Данный же принцип, как было ясно российскому консерватору, нес в себе сильнейший эгалитарно-демократический заряд, не вызывавший у него никакого одобрения. Поэтому в ряде случаев Победоносцев должен был отходить от поддержки национального принципа и возвращался к защите традиционных иерархий, в том числе церковно-канонического характера. Подобную позицию он занял, в частности, в вопросе о «болгарской схизме» (конфликте между

---

²³ Письма Победоносцева к Александру III. Т. 1. С. 190–191 (письмо от 4 августа 1888 г.).

²⁴ О деятельности Православного Палестинского общества см.: Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М., 2006.; Horwood, Derek. The Russian Presence in Syria and Palestine, 1843–1914. Oxford, 1969.

Болгарской церковью и Константинопольской патриархией) – вновь решительно разойдясь со славянофилами, поддерживавшими «братьев-славян». «Нельзя, – писал Победоносцев своему другу и во многом единомышленнику И.С. Аксакову, выступавшему за открытую поддержку болгарского экзархата со стороны российского Синода. – Если мы еще с корня сорвемся (а корень в Великой Церкви), что тогда будет? Весь наш оплот на востоке в церк(овном) единстве: безумные вожаки болгарские этого не понимают... Болгария пропадет без единства с Цареградом; если они этого не понимают, то нам грешно не понять»²⁵.

Внутри России обер-прокурор подчас скептически воспринимал стремление отдельных этнических групп сблизиться с православием, видя в них попытки выйти из-под контроля традиционных элит, разрушить исторически сложившиеся иерархии, т.е. в конечном счете реализовать устремления, характерные для современного национализма. Так, несмотря на всю неприязнь к немецко-лютеранскому элементу в Прибалтике, Победоносцев с подозрением встретил известие о начавшемся в 1883 г. эстонских крестьян к православию, рекомендовав местному архиерею максимум «осторожности в этом неясном, и (...) двусмысленном деле».²⁶ Несмотря на то, что логика вероисповедного противостояния заставила главу духовного ведомства в 1880-е гг. втянуться в противоборство с лютеранской церковью Прибалтики, уже в начале 1880-х гг. он осознал всю бесперспективность этой борьбы и начал без особой огласки рекомендовать властям смягчение политики в данной сфере.

Подводя итог обзору вероисповедной политики Победоносцева, его взглядов на взаимосвязь национального и религиозного в управлении Российской империей, необходимо подчеркнуть, что эти воззрения носили весьма сложный, неоднозначный характер. Очень большое значение, которое обер-прокурор придавал социальной и политической роли религии, не побуждало его отводить подчиненную роль национальному принципу. Напротив, он был убежден в тесной связи того и другого, считал, что религия обретает силу, сливаясь с тем или иным «национальным телом». Нерусские единоверцы вызывали его симпатию лишь в том случае, если принадлежали к числу «слабых» и «гонимых» и готовы были в силу этого если не слиться с русской культурой, то признать ее верховенство. Если же речь шла о единоверцах, в историческом сознании которых жила память о самостоятельном великодержавном прошлом (греках, грузинах), то эти народы не вызывали у Победоносцева никакой

---

²⁵ ОР РНБ. Ф. 14. И.С. Аксаков. Д. 658. Л. 7–7об. (Письмо Победоносцева И.С. Аксакову от 20 ноября 1881 г.).

²⁶ РГИА. Ф. 797. Канцелярия обер-прокурора Святейшего синода. Оп. 53. Отд. 2. Ст. 3. Д. 191. Л. 13–14.

симпатии, и он настаивал на жесткой политике по отношению к ним, нисколько не умеряемой чувством «религиозной солидарности»²⁷.

Провозглашая важность для религии национальных начал, Победоносцев в то же время утверждал, что и нация, народ не выживут без религии, составляющей духовный стержень их бытия. Особенно важно, по мнению обер-прокурора, это было для русского народа – как в силу его слабости, несамостоятельности, так и в связи с тяжелыми испытаниями, выпавшими на его долю в ходе исторического развития. Религия же для российского консерватора была немыслима без строгой церковной дисциплины, и это обстоятельство, в частности, побуждало главу духовного ведомства крайне негативно относиться к старообрядцам, ограничивая, таким образом, пределы нации церковными рамками. Старообрядцы были известны как глубоко консервативная конфессиональная община, служили для многих (в том числе для славянофилов) истинным воплощением «русского духа», однако расхождение с церковной дисциплиной делало их в глазах Победоносцева совершенно непригодным материалом для нациестроительства.

Высоко оценивая роль национального начала, российский консерватор далеко не всегда считал возможным ставить данный принцип на первое место в своей политике. Обер-прокурор прекрасно сознавал, насколько сильный эгалитарно-демократический заряд содержится в современном национализме. В ряде случаев он должен был отходить от поддержки национального начала, возвращаясь к защите традиционных иерархий. Все это разрушало внутреннюю логику политики Победоносцева, лишало ее цельности и в конечном счете способствовало ее поражению, отразившему всю сложность сочетания национального и религиозного начал в Российской империи.

Список литературы:

1. *Верт П.* Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М., 2012.
2. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 гг. СПб., 1910.

---

²⁷ Хорошо знавший Победоносцева американский посол Э. Уайт с удивлением отмечал, что тот с большей терпимостью относился к инославным исповеданиям, чем к греческому духовенству. Американскому протестанту это напомнило отношения сторонников «высокой» и «низкой» церквей в рамках Епископальной церкви. (White A. A Statesman of Russia. Constantine Pobedonostzeff // Century Illustrated Magazine. May 1898. Vol. LVI. No. 1. P. 115).

3. К.П. Победоносцев в 1881 г. (письма к Е.Ф.Тютчевой) // Река времен. Книга 1. М., 1995.
4. *Лисовой Н.Н.* Русское духовное и политическое присутствие в Святой земле и на Ближнем Востоке в XIX–начале XX вв. М., 2006.
5. Письма Победоносцева к Александру III. Т. I–II. М., 1925–1926.
6. *Победоносцев К.П.* Сочинения. СПб., 1999.
7. *Полунов А.Ю.* Государство и религиозное инакомыслие в России (1880 – начало 1890-х годов) // Россия и реформы. Вып.3. М., 1995. С. 126–141.
8. *Полунов А.Ю.* Духовное ведомство и униатский вопрос (1880-е – начало 90-х гг.) // П.А.Зайончковский. 1904–1983. Статьи, публикации и воспоминания. М., 1998. С. 256–265.
9. *Полунов А.Ю.* Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III. М., 1996.
10. *Полунов А.Ю.* Православие в Остзейском крае и политика правительства Александра III // Россия и реформы. Вып. 2. М., 1993. С. 66–76.
11. *Фирсов С.Л.* Русская церковь накануне перемен (конец 1890-х–1918 гг.). М., 2002.
12. *Basil J.* K.P. Pobedonostsev and the Harmonious Society // Canadian-American Slavic Studies. Vol. 37. No.4. Winter 2003. P. 415–426.
13. *Basil J.* Konstantin Petrovich Pobedonostsev: an Argument for a Russian State Church // Church History. Vol. 64. No. 1. March 1995. P. 44–61.
14. *Hopwood D.* The Russian Presence in Syria and Palestine, 1843–1914. Oxford, 1969.
15. *White A.* A Statesman of Russia. Constantine Pobedonostzeff // Century Illustrated Magazine. May 1898. Vol. LVI. No. 1. P. 110–118.